

THE IMAGE OF LEO TOLSTOY IN THE LITERARY CRITICISM OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN CHINA

Anvar V. Abdullaev

Department of the Russian Language and Literature
Gulistan State University
E-mail: abdullayev_av@gmail.com

Safiya U. Khakimova

Second-Year Student, Faculty of Philology
Gulistan State University
E-mail: khakimova_su@gmail.com

Abstract. This article analyzes the image of Leo Tolstoy in the literary criticism and publicistic writing of the Russian émigré community in China, primarily within the Harbin circle of the 1920s–1940s. The aim of the study is to identify the semantic dominants that shaped the reception of Tolstoy in émigré periodicals and to explain why this figure proved especially significant for the cultural self-awareness of the Russian diaspora in the Far East. The article demonstrates that, in the criticism of the Russian emigration in China, Tolstoy was perceived not only as a great writer, but also as a moral authority, a subject of polemics, a figure of cultural memory, and a symbol of the “greater” Russian tradition. It is argued that émigré reception focused primarily on biographical, memoir, religious-philosophical, and socio-historical aspects, while questions of poetics and style receded into the background. The article concludes that the image of Tolstoy in the criticism of the Russian emigration in China fulfilled not so much a purely aesthetic as a culturally consolidating function. This conclusion is based on specialized studies devoted to the literary life of the Russian emigration in China, its periodicals and criticism, as well as on A. A. Struk’s recent work specifically devoted to Tolstoy’s reception in the Far Eastern émigré milieu.

Keywords: Leo Tolstoy; Russian emigration; China; Harbin; criticism; publicistic writing; cultural memory; reception.

ОБРАЗ Л. Н. ТОЛСТОГО В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ КИТАЯ

Абдуллаев Анвар Вайдуллаевич

кафедра русского языка и литературы
Гулистанский государственный университет
E-mail: abdullayev_av@gmail.com

Хакимова Сафия Улугбековна

студентка 2-курса филологического факультета
Гулистанский государственный университет
E-mail: khakimova_su@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу образа Л. Н. Толстого в литературной критике и публицистике русской эмиграции Китая, прежде всего *харбинского круга* 1920–1940-х годов. Цель исследования состоит в выявлении того, какие смысловые доминанты определяли рецепцию Толстого в эмигрантской периодике и

почему именно эта фигура оказалась особенно значимой для культурного самосознания русского зарубежья на Дальнем Востоке. В статье показано, что в критике русской эмиграции Китая Толстой воспринимался не только как великий художник, но и как нравственный авторитет, предмет полемики, фигура культурной памяти и символ «большой» русской традиции. Доказано, что эмигрантская рецепция сосредоточивается преимущественно на биографическом, мемуарном, религиозно-философском и общественно-историческом аспектах, тогда как вопросы поэтики и стиля отступают на второй план. Делается вывод о том, что образ Толстого в критике русской эмиграции Китая выполнял не столько собственно эстетическую, сколько культурно-консолидирующую функцию. Основанием для такого вывода служат специальные исследования о литературной жизни русской эмиграции в Китае, о ее периодике и критике, а также новейшая работа А. А. Струк, специально посвященная толстовской рецепции в дальневосточной эмиграции.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; русская эмиграция; Китай; Харбин; критика; публицистика; культурная память; рецепция.

I. ВВЕДЕНИЕ

Русская эмиграция в Китае, прежде всего в Харбине и Шанхае, создала в первой половине XX века устойчивую культурную среду с развитой издательской, журнальной и газетной инфраструктурой. Именно периодика стала главным пространством литературной рефлексии, поскольку в условиях изгнания газета и журнал брали на себя одновременно информационную, культурную, мемориальную и мировоззренческую функции. В этом контексте обращение к русской классике было не данью школьному канону, а способом удержания культурной непрерывности, восстановления связи с национальной традицией и выработки ценностных ориентиров в ситуации исторического надлома. Исследования литературной жизни русской эмиграции в Китае, библиографические своды и обзоры русской прессы в Китае показывают, что тексты о русских писателях занимали в эмигрантской периодике заметное место.

В этом ряду образ Л. Н. Толстого занимает особое положение. С одной стороны, Толстой воспринимался как несомненная вершина русской словесности, как фигура, не нуждающаяся в доказательстве художественного значения. С другой стороны, его личность, религиозно-философская позиция, поздняя биография и нравственный максимализм оставались предметом острой полемики. Для эмигрантского сознания такая двойственность была чрезвычайно продуктивной: Толстой одновременно объединял и провоцировал спор. Поэтому вопрос о его образе в литературной критике русской эмиграции Китая позволяет увидеть не только особенности толстовской рецепции, но и внутреннюю структуру самой эмигрантской культурной памяти. Специальное исследование А. А. Струк, выполненное на материале газет «Заря» и «Русское слово», показывает, что харбинская публицистика проявляла к Толстому устойчивый интерес, однако осмысляла его прежде всего через биографию, мемуарный материал и нравственно-философскую проблематику, а не через детальный анализ художественной формы.

Таким образом, целью настоящей статьи является определить, каким именно предстает образ Толстого в литературной критике русской эмиграции Китая и какие функции этот образ выполняет в эмигрантском дискурсе. Для достижения цели ставятся следующие задачи: охарактеризовать исследовательский контекст проблемы; выявить основные тематические модели рецепции Толстого; показать соотношение эстетического и внеэстетического в эмигрантских публикациях; объяснить культурно-историческую обусловленность этой рецепции.

II. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Научное изучение русской эмиграции в Китае прошло путь от общих историко-культурных описаний к более специализированному анализу литературной жизни, журналистики и критики. Важное значение имели работы, посвященные литературному наследию русской эмиграции в Китае и структуре ее периодического поля. Среди них необходимо выделить исследования С. И. Лазаревой и А. Н. Шпилёвой, монографию Сью Светланы Г. Х. о литературной жизни русской эмиграции в Китае, обзорные труды о русской прессе в Китае, а также библиографические указатели, позволившие реконструировать корпус источников. Эти работы создали

фактическую и методологическую базу, без которой невозможно перейти к анализу рецепции отдельных классиков.

Следующий этап связан с изучением собственно литературной критики дальневосточной эмиграции. В этом отношении особенно важны диссертация З. В. Пасевич о русских классиках в литературной критике дальневосточной эмиграции и коллективная монография В. Г. Мехтиева, З. В. Пасевич и А. А. Струк, где критика и публицистика русской эмиграции в Китае рассматриваются как целостный культурный феномен. Уже сама логика этих исследований показывает, что эмигрантское обращение к классике нельзя считать периферийным или случайным: оно формировало идейное ядро русской культуры в изгнании. В рецензии на коллективную монографию отдельно подчеркивается внимание авторов к публикациям о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Толстом и Достоевском, то есть к тем фигурам, вокруг которых особенно интенсивно выстраивался эмигрантский разговор о национальной традиции.

Непосредственно толстовской теме посвящена статья А. А. Струк «Восприятие Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции». Именно эта работа впервые в явном виде сформулировала ряд ключевых выводов: интерес к Толстому в эмигрантской печати был значительным; интерпретация его произведений строилась главным образом на биографическом подходе; восприятие личности писателя опиралось на мемуары, свидетельства современников и наблюдения очевидцев; религиозно-философские взгляды Толстого в целом оценивались критически. Для настоящей статьи это исследование выступает исходной точкой, однако задача состоит в том, чтобы расширить наблюдение и рассмотреть образ Толстого как структурный элемент литературно-критического самосознания русского Китая.

III. МЕТОДОЛОГИЯ

Методологической основой исследования служит сочетание историко-литературного, историко-функционального и герменевтического подходов. Историко-литературный подход позволяет соотнести публикации о Толстом с культурной ситуацией русской эмиграции в Китае и с общей логикой развития дальневосточной ветви русского зарубежья. Историко-функциональный подход дает возможность увидеть, как изменяется смысл фигуры классика в новых общественно-исторических условиях и какие культурные функции начинает выполнять его образ. Герменевтический подход применяется для интерпретации самих критических текстов — в тех случаях, когда Толстой выступает не просто объектом статьи, а медиатором в разговоре об истории, нравственности, вере, кризисе культуры и судьбе России.

Материалом исследования являются опубликованные научные работы о литературной критике и публицистике русской эмиграции в Китае, а также реконструируемый по этим работам корпус эмигрантских публикаций о Толстом, прежде всего статьи из газет «Заря» и «Русское слово». Дополнительно учитываются библиографические указатели и исследования прессы русского Китая, позволяющие понять, в какой медиасреде существовали толстовские публикации и каковы были механизмы их циркуляции. Такой подход представляется оправданным, поскольку современное состояние изученности темы еще не позволяет говорить о полностью исчерпанном и сводном корпусе толстовских материалов русского Китая.

IV. РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенный анализ показывает, что образ Толстого в литературной критике русской эмиграции Китая имеет отчетливо неформальный, «внелитературный» характер. Эмигрантская публицистика редко сосредоточивается на поэтике романов, композиции, нарративной технике или стилевых особенностях толстовской прозы. Гораздо чаще Толстой появляется как биографическая и нравственная фигура: человек необыкновенной духовной энергии, предмет мемуарного интереса, участник внутренней трагедии, символ напряженного поиска истины. Иначе говоря, в центре внимания оказывается не столько текст Толстого, сколько его личность как интерпретационный ключ к тексту. Именно поэтому наиболее частотными оказываются мемуарно-биографические и юбилейно-мемориальные жанры. Этот вывод согласуется с выводами А. А. Струк о доминировании биографического подхода в харбинской рецепции Толстого.

Второй существенный результат состоит в том, что эмигрантская критика отказывается от безусловной канонизации Толстого. При бесспорном признании его художественной величины русская эмиграция Китая не

склонна к апологетике. Напротив, поздний Толстой нередко рассматривается как фигура внутреннего противоречия: его религиозно-философское учение, нравственный радикализм и непримиримость вызывают уважение, но вместе с тем становятся объектом сомнения и критического анализа. Для эмигрантского сознания эта амбивалентность принципиальна: Толстой нужен не как неподвижный памятник, а как собеседник и оппонент. Поэтому образ писателя формируется в поле напряжения между признанием и полемикой.

Третий результат связан с функцией культурной памяти. В эмигрантской среде Толстой выступает знаком «большой России», не сводимой ни к текущей политической катастрофе, ни к повседневной уязвимости изгнания. Обращение к нему позволяет эмигрантской критике восстановить вертикаль национальной культуры и тем самым преодолеть ощущение исторического разрыва. Не случайно статьи о Толстом тяготеют к юбилейному, мемориальному, ретроспективному тону: через память о писателе эмиграция символически возвращает себе право на принадлежность к русской классической традиции. В этом смысле образ Толстого в русской эмиграции Китая выполняет интегративную и самосохраняющую функцию. Такой тип работы памяти закономерен для литературной культуры Харбина и Шанхая, где пресса была одним из главных инструментов коллективной идентичности.

Наконец, реконструкция тематических акцентов в публикациях о Толстом позволяет представить сводную картину их распределения по доминирующим смысловым ракурсам. Наиболее представительным оказывается биографико-мемуарный кластер; за ним следуют религиозно-философская полемика и юбилейно-мемориальный дискурс; существенно слабее выражены социально-исторический и сравнительно-культурный подходы; почти отсутствует собственно поэтический анализ. В этом и состоит специфичность эмигрантского образа Толстого: он почти целиком строится вокруг личности, духовной драмы и культурной репутации писателя, а не вокруг формального исследования художественного письма. Основанием для сводной визуализации послужила тематическая группировка двенадцати газетных публикаций, перечисленных в работе А. А. Струк; распределение по рубрикам выполнено в рамках настоящего исследования как аналитическая реконструкция.

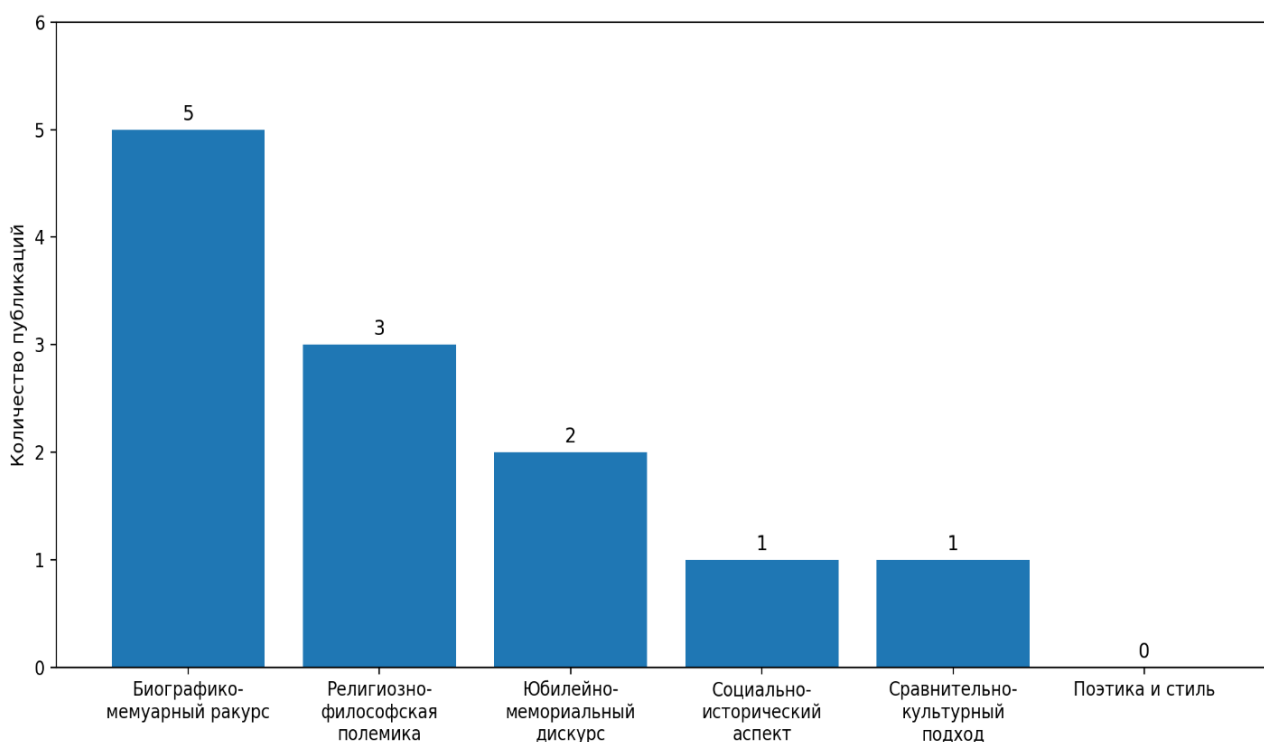

Рис. 1. Тематические акценты в публикациях о Л. Н. Толстом в периодике русской эмиграции Китая

V. ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты позволяют уточнить место Толстого в культурной системе русского Китая. В эмигрантской критике он оказывается фигурой предельно функциональной: через него осмысляются не только литература, но и кризис религиозного сознания, нравственный максимализм, проблема исторической

ответственности, сама возможность духовной целостности в эпоху крушения. Такая многослойность объясняет, почему эмигрантская рецепция отдает предпочтение жанрам заметки, юбилейной статьи, мемуарного очерка, публицистического комментария, а не академическому литературоведческому разбору. Для культуры, существующей в режиме исторической неустойчивости, Толстой важен прежде всего как живая мировоззренческая величина.

Вместе с тем именно эта функциональность сужает диапазон собственно литературной интерпретации. Если Пушкин в эмигрантском дискурсе чаще выступает как символ национальной гармонии, а Достоевский — как мыслитель катастрофического сознания, то Толстой занимает промежуточное положение: он сохраняет статус классика, но не превращается в бесспорную фигуру единодушного поклонения. Его поздняя мысль, конфликтность, антиклерикальность, радикализм и резкость нравственных требований делают невозможным чисто мемориальное чтение. Эмиграция признает его величие, но одновременно удерживает дистанцию. Поэтому образ Толстого здесь двойствен: это и хранитель традиции, и источник неудобных вопросов к самой традиции.

Такая двойственность особенно показательна для русской эмиграции Китая, поскольку ее литературная критика в значительной степени существовала на пересечении журналистики, культурной самообороны и нравственной рефлексии. В этих условиях классик перестает быть только объектом эстетического анализа. Он становится фигурой идентификации, спорным авторитетом, испытанием для читателя и инструментом самопонимания общины. Именно поэтому отсутствие развитого интереса к поэтике Толстого не следует считать исследовательской слабостью эмигрантской критики. Скорее это признак иной иерархии задач: для русского Китая было важнее понять, что Толстой значит для выживания русской культуры вне России, чем еще раз доказать совершенство его художественного метода.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, образ Л. Н. Толстого в литературной критике русской эмиграции Китая формируется на пересечении культурной памяти, публицистической полемики и этико-философской рефлексии. Толстой воспринимается здесь прежде всего как личность исключительного духовного масштаба, как биографически и нравственно значимая фигура, вокруг которой возможно обсуждение самых болезненных вопросов русской истории и культуры. Художественное величие писателя не ставится под сомнение, однако собственно эстетический анализ его текстов занимает в эмигрантской периодике второстепенное место. Главная особенность этой рецепции состоит в том, что Толстой в русском Китае оказывается не «музейным» классиком, а живым участником идейного разговора. Эмигрантская критика не только хранит память о нем, но и использует его образ для самоописания собственной культурной ситуации. Через Толстого она утверждает связь с русской классической традицией, спорит о границах нравственного максимализма, проверяет прочность религиозных и исторических представлений. Поэтому толстовский образ в литературной критике русской эмиграции Китая следует понимать не как частный сюжет истории рецепции, а как важный механизм самоорганизации эмигрантского культурного сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев А. В. Творчество Г. В. Мелихова: Тема Родины и русской эмиграции // *Зарубежная лингвистика и лингводидактика*. Т. 1. № 1. С. 80-88.
- Абдуллаев А. В. Образ Родины как нравственного и культурного начала в творчестве Бориса Зайцева // *Образовательные и инновационные исследования*. 2026. № 1. С. 54-61.
- Ахмедов Р. Ш. Историческая проблематика цикла романов «Академия» Айзека Азимова // *Universum: филология и искусствоведение*. 2026. Т. 140. № 2. С. 40-44.
- Бабкина Е. С. Журналистика русского Китая для детей и молодежи (1898–1945 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 47. С. 184–193.
- Бабкина Е. С. Русская пресса в Китае (1898–1956): взгляд современного исследователя // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018. Т. 15. № 1. С. 156–160.
- Егорова Н. А., Евдокимова Г. П. *Русская эмиграция в Китае: материалы к библиографии: дополнительный выпуск*. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014.

- Ким Н. В. Литературное наследие русской эмиграции в Китае: культурный код // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16. № 1. С. 118–124.
- Коростелев О. А. Литературная критика русской эмиграции: материалы к библиографии // *Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920–1930-х годов*. М.: ИНИОН РАН, 2005. Ч. 1. С. 137–186.
- Лазарева С. И., Шпилёва А. Н. О литературном наследии российской эмиграции в Китае (20–40-е гг. XX в.) // *Россия и АТР*. 2009. № 3 (65). С. 58–64.
- Мехтиев В. Г., Пасевич З. В., Струк А. А. *Критика и публицистика русской эмиграции в Китае: коллективная монография*. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2020.
- Пасевич З. В. *Русские классики в литературной критике дальневосточной эмиграции*: дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2008.
- Полански П. *Русская печать в Китае, Японии и Корее: каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета*. М.: Пашков дом, 2002.
- Струк А. А. Восприятие Л. Н. Толстого в публицистике дальневосточной эмиграции // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. Вып. 12. Ч. 2. С. 354–360.
- Сюй Светлана Г. Х. *Литературная жизнь русской эмиграции в Китае, 1920–1940-е годы*. М.: ИКАР, 2003.
- Чжао Юнхуа. *Русская пресса в Китае. 1898–1956*. М.: Шанс, 2017.

AUTHOR(S)

Author 1 – Anvar Vaydullaevich Abdullaev, Department of the Russian Language and Literature, Gulistan State University, e-mail: abdullayev_av@gmail.com

Author 2 – Safiya Ulugbekovna Khakimova, Second-Year Student, Faculty of Philology, Gulistan State University, e-mail: khakimova_su@gmail.com

Reviewer:
Oleg Robin
National University of Singapore
(Singapore)